

ББК 60.561.36

С.Н. Чирун

Актуальные вопросы классификации молодежных политических движений и организаций в России

Ключевые слова: молодежь, молодежные движения, молодежные организации, постмодерн.
Key words: youth, youth movements, the youth organizations, a postmodern.

В качестве критериев для классификации молодежных организационных политических структур многие исследователи называют принципы построения, а также корпоративно-профессиональные принципы [1, с. 198–216].

А.А. Шмелёв дает свою классификацию молодежных движений: «подкрышные» движения, являющиеся молодежными филиалами некоторых российских партий и движений; досуговые движения, объединяющие представителей творческих клубов; леворадикальные организации [2, с. 103–109].

Типологизируя современные российские молодежные политические движения, исследователь О.Э. Сироткин использует такие критерии как формальность – неформальность молодежной структуры. Причем в группе формальных им рассматриваются, наряду с прочими, структуры, единственная цель создания которых заключается в получении зарубежных грантов [3, с. 62–64]. Среди неформальных объединений он выделяет просоциальные, асоциальные и антисоциальные молодежные структуры. Другими критериями, выделяемыми автором, являются: способ времяпрепровождения молодежи, социальная позиция молодежи, образ жизни молодежи [3, с. 66–67]. И.М. Кольжанова использует для типологизации молодежных организаций (движений) два критерия – это отношение к власти и позиционируемый политический спектр [4, с. 121]. На их основе она выделяет молодежные организации (движения) подвластные, к которым относит «Молодую гвардию» «Единой России» (ЕР), «Наших», «Россию молодую», «Опричников» и выделяет движения оппозиционные, которых делит, в свою очередь, на левых (Союз коммунистической молодежи (СКМ), Авангард красной молодежи (АКМ)) и правых («Оборона», «Да», «Мы», «Пора», «Идущие без Путина») [4, с.122].

Г.А. Лукс предлагает использовать оценочную классификацию молодежных движений как акторов молодежной политики: социально-положительные, социально-нейтральные и асоциальные. Указывает на следующие особенности: внешний вид, идеология, упоминание в СМИ [5].

По способу возникновения А. Костеркин классифицировал молодежные организации следующим образом:

1) структурные подразделения уже существующих организаций;

2) подразделения международных, общероссийских объединений и движений (к этой же категории он относит молодежные организации при партиях);

3) новые молодежные организации, объединяющие своих членов на основании общности интересов. Это могут быть инициативные молодежные объединения, созданные самими молодыми людьми, или организации, формируемые «сверху» взрослыми для работы с молодежью [6, с. 155].

Шеф-редактор экспертного интернет-портала «Кремль, Орг» Павел Данилин в работе «Новая молодежная политика 2003–2005» [7] предпринял попытку в «бульварной манере» описать существующие в России молодежные организации и систематизировать молодежные политические движения, отмечая их роль в реализации молодежной политики. Он выделил следующие типы молодежных организаций-движений: молодежь под партию; идейное движение; секта; молодежное движение как следование моде; молодежное движение для массовки; для «распила бюджета» и т.д. Определенным достоинством можно признать предложенные автором практические рекомендации по организационной работе с различными категориями молодежи [7, с. 20–26]. Н.А. Хохлова использует для классификации молодежных движений такие критерии, как «масштаб деятельности, социальная база, ценностные ориентации, интересы, отношение к власти, политические и идеологические ориентации» [8, с. 19].

Исследователь А.Е. Круглов предлагает использовать для классификации деление на либеральные либо антилиберальные организации и движения молодежи [9, с. 121].

Спорной мы считаем классификацию, предложенную О.М. Карпенко и И.А. Ломановым в монографии «Молодёжь в современном политическом процессе». Ими выделяется группа «центристы», в которую они относят все прокремлёвские организации. Выделяют группу «правые», которых по принципу хронологии, а не идеологии, разделяют на «старых» и «новых», группу «Левые» делят на «умеренных» и «радикальных». И здесь начинается самое интересное, поскольку к последней группе названные авторы причисляют и РНЕ («Русское национальное единство»), и скинхедов [10, с. 365–366].

Нами ранее была предложена классификация молодёжных политических движений, в которой мы исходили из того, что в обществе постсовременности происходит радикальное изменение онтологической сущности молодежной политики и молодёжного движения [11].

Рассматривая существующие молодежные движения и организации, на наш взгляд, весьма полезно структурировать их по ряду наиболее значимых оснований. Традиционное деление политических субъектов на левых, правых и центристов сегодня вряд ли является приемлемым в своем обычном значении по ряду причин, например, вследствие потери либо смещения тех традиционных критериев, вполне приемлемых для индустриального общества, но совершенно не работающих в обществе постмодерна.

Однако после незначительного усовершенствования старая схема может вполне адекватно отражать расклад сил в молодежной политике. Для этого ранее мы предложили объединить использование бинарной оси *правые–левые* с другой бинарной осью, в качестве крайних полюсов которой выступают *евразийство* и *атлантизм*. Подробный анализ понятий «евразийство», «атлантизм», дополнительно предлагаемых нами для классификации современных молодёжных политических движений, можно найти в работах известного политолога и философа А.Г. Дугина.

В нашей типологии представлено пять групп молодёжных движений-организаций (поскольку различия между молодёжными движениями и организациями в эпоху постмодерна весьма относительны и переменчивы) [12, с. 554]. Мы выделили левоевразийский молодёжный сегмент, наиболее ярким представителем которого считаем Национал-большевистскую партию (НБП); обозначили правоевразийский молодёжный сегмент и здесь представителями назвали «опричников», или Евразийский союз молодежи (ЕСМ) [13]; левоатлантистский сегмент (его можно обозначить как мондиалистский), его значимые акторы – носители идеологии евросоциализма и конвергенции, а также троцкисты и анархисты («Вперёд», «Автономное действие»); продолжило нашу классификацию выделение правоатлантистского сегмента, к которому мы отнесли, в частности, «Оборону», «Смену», «Мы» и еще ряд движений, на журналистском сленге стигматизированных как «оранжевые». И, наконец, «пятый элемент» в этой типологии – это молодежные движения, созданные сверху с использованием механизмов административного ресурса. Эти субъекты молодежной политики были нами обозначены как молодежные движения «суверенной демократии», а также как «условный» центр [13, с. 81–114].

К названным выше критериям типологизации следует добавить, что критерий «левые» исполь-

зуется нами в данной типологии исключительно в социальном (но не политическом) значении, как обозначение эгалитаристских предпочтений в экономике и доминации общего, коллективного над частным и индивидуальным. Еще одним добавлением может стать радикализм молодёжных движений, например: радикальные правые атлантисты – «Оборона», «Пора» и др.; умеренные правые атлантисты – «ДА», «Правая молодежь» и др. [14].

В такой типологии задействованы уже три критерия: социальный, геополитический и кратологический. Четвёртым критерием, по нашему мнению, должен стать стадийно-цивилизационный критерий, разворачивающийся в плоскости отношения парадигм «модерна» и «постмодерна». Другими словами, является ли конкретное молодежное движение модернистским либо постмодернистским? Причем и модернистское, и постмодернистское молодежное движение может быть как левым, так и правым, как евразийским, так и атлантистским, как радикальным, так и умеренным.

Для того же, чтобы отнести молодежное движение к постмодернистским, оно должно, на наш взгляд, соответствовать следующим характеристикам:

- отсутствие аналогов во «взрослых» политических структурах (партиях, объединениях, движениях);
- нет постоянной организационно-функциональной зависимости от каких-либо политических партий;
- дистанцированность от властных структур (не имеют постоянного патронажа со стороны структур государственной и муниципальной власти);
- широкий динамизм и мобильность в выборе и замене союзников, попутчиков [15];
- существование до определенного времени в «непроявленном» (латентном) состоянии, функционирование в виде внешне разрозненных, малочисленных дискуссионных клубов, однако между ними должна быть устойчивая система коммуникации, организованная по сетевому принципу, которая позволяет в нужный момент объединяться в крупные движения, выполняющие роль генератора протестных настроений в обществе;
- элементы молодёжных субкультур, где определяющими становятся «постматериалистические ценности» [16, с. 111];
- высокий динамизм и перманентный эволюционизм идеологических принципов;
- фрагментарность, изменчивость и контекстуальность идейных взглядов представителей постмодернистских движений;
- принцип «децентрации» и сетевой организации, причём не формально провозглашаемый (это сегодня стало очень модно), а действительно реализуемый. Как отмечает З. Бауман, «... время начальственных кабинетов, в которых рождались всеобъемлющие планы, во имя которых от каждого можно требовать

послушания и согласованности действий, уходит в прошлое вместе с эпохой модерна» [17, с. 70–71];

- позиционирование в виде постмодернистских молодежных организаций, которые не имеют формального лидера, чтобы не быть обезглавленными, и не регистрируются в государственных органах;

- активное использование современных информационных и интернет-технологий, возможностей сотовой связи в политической борьбе (организация флэш-монов и т.д.);

- доминанция политического действия, ориентированного «на виртуальную реальность» [18, с. 98], на генерацию «картинки», «образа», симулякра (от лат. *simulare* – притворяться).

Согласно теориям постмодернистов Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, симулякр представляет собой знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность и переставший быть «знаком по сути» [19–20]. Симулякр есть тело, но тело виртуальное, т.е. он так же реален, как реально любое тело, являющееся референтом, только реален он виртуально. Именно поэтому симулякр не есть знак, но он сам может быть референтом по отношению к представляющему его знаку-симулякру следующего порядка. Таким образом, там, где обрывается цепочка подобия, знак становится симулякром, той самой копией копии, лишенной подобия и живущей различием. Симулякр обретает свое виртуальное бытие, по отношению к которому наша реальность будет конституирующей, подражающей. Но в той реальности, которую мы воспринимаем как виртуальную, он становится референтом, образцом. А.В. Бузгалин, охарактеризовал постсовременность в медиасфере как взаимоуглубление двух процессов: роста технологической сложности проектов и деградации человеческого смысла их ценности: «... когда сотни

тысяч долларов и несколько десятков человеко-дней труда настоящих профессионалов затрачиваются на то, чтобы создать очередную порцию «шоу-гашиша» [21, с. 35].

Технологической основой действий радикальных правоатлантических постмодернистских молодежных движений являются стратегия и тактика ненасильственных действий. Эта технология предлагает молодежи широкий выбор политических, экономических, психологических и иных способов и методов воздействия на социально-политическую обстановку в регионе, стране, конечной целью которых, в рамках комплексной кампании, является создание не критических состояний политического сознания, при которых объект воздействия утрачивает способность адекватно оценивать свои действия и может быть подвержен целенаправленному манипулированию.

Указанная стратегия и тактика молодежных движений зачастую направлена на делегитимацию существующих политических институтов, захват политической власти в стране в целях смены политического режима [22].

В условиях социальной неопределенности, характерной для общества постмодерна, молодежное движение становится важным механизмом политической социализации молодежи, социального развития различных категорий молодежи и воспроизводства социально-политических отношений в обществе. Существенная функция молодежного движения заключается в активизации социального развития молодежи – повышении реальной, действительной субъектности молодежи в молодежной политике (но не ее симулякром), предотвращении тенденций ее социального отчуждения и маргинализации, активизации социального участия на основе самоопределения и укрепления гражданских идентичностей.

Библиографический список

1. Ручкин, Б.А. Комсомол: уроки прошлого и опыт для будущего молодежного движения / Б.А. Ручкин // Молодежь и общество на рубеже веков / под науч. ред. И.М. Ильинского. – М., 1999.
2. Шмелёв, А.А. Молодежные культурные и социальные движения в России / А.А. Шмелёв // Социологические исследования. – 1998. – №8.
3. Сироткин, О.Э. Сущность и тенденции молодежного движения в современной России : дис. ... канд. полит. наук / О.Э. Сироткин. – М., 2004.
4. Кольжанова, И.Н. Общественно-политические молодёжные движения в современной России: масса, элиты, лидеры : дис. ... канд. полит. наук / И.Н. Кольжанова. – Ростов-на-Дону, 2006.
5. Лукс, Г.А. Неформальные объединения молодежи на рубеже тысячелетий: научно-аналитический обзор / Г.А. Лукс, А.А. Кутьина, А.А. Матвеева ; под общей редакцией Г.А. Лукс. – Самара, 2002.
6. Костёркин, А. Региональные советы, круглые столы молодёжных и детских объединений / А. Костёркин // Молодёжь и общество. – 2004. – №3.
7. Данилин, П. Новая молодёжная политика / П. Данилин. – М., 2006.
8. Хохлова, Н.А. Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ : дис. ... канд. полит. наук / Н.А. Хохлова. – Нижний Новгород, 2007.
9. Круглов, А.Е. Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества : дис. ... д-ра полит. наук / А.Е. Круглов. – Саратов, 2006.
10. Карпенко, О.М. Молодежь в современном политическом процессе в России / О.М. Карпенко, В.А. Ломанов. – М., 2006.
11. Чирун, С.Н. Молодежная политика: теория и практика взаимодействия : монография / С.Н. Чирун. – Кемерово, 2008.

12. Желтов, В.В. Политическая социология : учеб. пособие / В.В. Желтов, М.В. Желтов. – Кемерово, 2006.
13. URL: <http://www.rossia3.ru>
14. URL: <http://www.pora-info.com>; <http://www.oborona.org>; <http://www.noputin.com>
15. Лимонов, Э.В. Мой друг Каспаров Гари [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nazbol.ru>
16. Инглехарт, Р. Культура и демократия / Р. Инглехарт // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М., 2002.
17. Бауман, З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – №4.
18. Емелин, В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии : дис. ... канд. филос. наук / В.А. Емелин. – М., 1999.
19. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation. University of Michigan Press, 1994.
20. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб., 1998.
21. Бузгалин, А.В. Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? Критика практики тотальной гегемонии капитала и теории постиндустриализма / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2002. – №5.
22. Сулейманов, М. Молодость – двигатель революций / М. Сулейманов // Новое время. – №1. – 2005.